

Владимир Шулятиков

ПЕВЕЦ "ЛЕЛЕЙНОЙ НАДЕЖДЫ"

(к пятидесятилетней годовщине смерти В.А. Жуковского -- 12 апреля 1852 г. - 12 апреля 1902 г.).

"Курьер", 1902 г., No 101

"Уже нет той поэзии, которая некогда была возвеличением, убранством и утехой жизни, которая, с одной стороны, стремилась к высокому, идеальному и благородствовала жизнь, украшая ее строгую, часто печальную существенность лелейным венком надежды, а с другой - беззаботно играла с жизнью, забавляя ее, как младенца, фантастическими созданиями, светлыми надеждами... Такое беззаботное наслаждение поэзией теперь называется ребячеством. Теперь поэзия служит мелкому эгоизму; она покинула свой идеальный мир и, вмешавшись в толпу, потворствует ее страстям и, променяв таинственное святилище своего драмы (к которому доступ бывал отворен только одним посвященным) на широкую торговую площадь, поет песни толпящимся на ней"...

В таких выражениях автор "Светланы" и "Ундины", на закате своих дней, очутившись перед лицом чуждой и непонятной ему "новой", ширококонсущейся жизни и оплакивая предания гибнущей старины, высказывал определенно свое литературное "credo", выяснял свои взгляды на призвание поэта и значение поэзии.

Поэт - избранник Судьбы, поэт - жрец, поэт - аристократ, духа, презирающий "толпу", поэзия - одухотворение от "житейских бурь", поэзия - противовес "материальным началам" и интересам жизни, поэзия - сродство удалиться от "презренной толпы", поэзия - игра свободной фантазии - вот его идеалы, идеалы, которым он служил в течение всей своей литературной деятельности, как верный паладин, и которые принято называть "романтическими".

Но правильно ли последнее определение? был ли Жуковский романтиком? соответствуют ли его взгляды мировоззрению истинных представителей романтической культуры?*

* Этот вопрос в последнее время был поставлен на очередь акад. А. Веселовским. К сожалению, с докладом А. Веселовского, прочитанным в петербургском неофилологическом обществе, мы не имели случая ознакомиться. Из газетных отчетов мы лишь узнали, что А. Веселовский категорически отказывается признать Жуковского романтиком.

Действительно, многое из его взглядов взято им из сокровищницы романтической культуры. Под сильнейшим влиянием немецких и английских романтиков он все время находился, на их произведениях он постепенно воспитывал свой литературный вкус, некоторые основные посылки их мировоззрения он усваивал (чему доказательством является выше перечисленные догматы его поэтического (credo). Но вместе с тем считать Жуковского типическим романтиком, во всяком случае, нельзя.

Рядом с писателем, романтически настроенным, в нем жил последователь "сентиментализма", рядом с художником-жрецом "свободного" искусства - моралист, рядом в идеалистом - "аристократом духа" - носитель мещанских настроений. И все, усвоенное им от романтизма, он преломлял сквозь призму сентиментально-этического мировоззрения; в каждый догмат романтического "credo" вносил существенные поправки.

Он проповедовал о свободном полете фантазии, о свободе творческого воображения. Но это не была проповедь той абсолютной свободы фантазии и творчества, которую узаконили истинные романтики. Идеал Жуковского "живое", но не "пылкое" воображение.

Одно - товарищ заблужденья,
Другое - гений наших дней.

говорил он. Если же он платил дань романтически "пылкому" воображению, если иногда он увлекался самым капризным и смелым полетом фантазии в область романтического вымысла - это бывало лишь тогда, когда он находился под сильнейшим впечатлением чьего-нибудь произведения, когда он подражал какому-нибудь западному образцу (напр., когда он писал свою "Светлану"). Всякие романтические "ужасы", всякая романтическая "чертовщина", всякие ультра-романтические "чудеса", ультра-романтический вымысел не характерны для него, как для оригинального поэта: в подавляющем большинстве своих оригинальных произведений он чужд всего этого. В его оригинальных произведениях